

В. Р. СИДЕНКО,
*доктор экономических наук,
член-корреспондент НАН Украины,
научный консультант по экономическим вопросам Украинского центра
экономических и политических исследований имени Александра Разумкова,
главный научный сотрудник отдела экономической теории
ГУ “Институт экономики и прогнозирования НАН Украины”
(Киев)*

ТРУДНЫЕ ДИЛЕММЫ ОБНОВЛЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ АРХИТЕКТониКИ

Обобщены тенденции становления новых институциональных форм в рамках мирового хозяйства, которые проявились с начала XXI в., и особенно – после глобального кризиса 2008–2009 гг. Выяснен неоднозначный и внутренне противоречивый характер происходящих изменений и идентифицированы потенциальные возможности наступления временных реверсивных тенденций в глобальной институциональной эволюции, обусловленных политико-идеологическими факторами, которые, однако, не могут остановить глубинный процесс становления институтов новой глобальной экономики будущего. Раскрыты особенности влияния глобальных экономических процессов на национальное экономическое развитие в условиях возрастающих неопределенностей нынешнего этапа развития мировой экономики.

Ключевые слова: глобализация, глобальный кризис, глобальные институты, глобальное регулирование, международные организации, Группа 20.

V. R. SIDENKO,
*Doctor of Econ. Sci.,
Corresponding Member of the NAS of Ukraine,
Sci. Consultant on economic issues of the A. Razumkov Ukrainian Centre
for Economic and Political Studies,
Principal Researcher of the Department of Economic Theory,
Institute for Economics and Forecasting of the NAS of Ukraine
(Kiev)*

DIFFICULT DILEMMAS OF RENEWING THE GLOBAL INSTITUTIONAL ARCHITECTONICS

The article summarizes the existing trends in the formation of new global institutional arrangements that have come to the forefront since the beginning of the 21st century, especially after the 2008-09 global crisis. Ambiguous and internally contradictory content of the changes underway has been revealed. The author identifies the possibility of temporary reversal trends in the global institutional evolution caused by political and ideological factors; nonetheless, they are not likely to suspend the deeply rooted process of shaping the institutional framework of the future global economy. The research outlines some peculiarities of the impact of global economic processes on the national economic development under increasing uncertainties of the current stage of global economic evolution.

Keywords: globalisation, global crisis, global institutions, global governance, international organisations, G20.

Вопросы развития системы глобального экономического регулирования приобрели особую актуальность во время глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. и периода серьезных структурных изменений, последовавшего за ним. Пути дальнейшего развития этой системы являются предметом горячих дискуссий, сложных дипломатических маневров и даже серьезного политического противоборства. Понятно, что то, какими путями будет развиваться глобальная система регулирования в будущем, существенно повлияет на любую национальную экономику, на ее способность отстаивать свои национальные интересы и приоритеты. Следовательно, эти вопросы должны стать предметом глубокого и всестороннего научного анализа в целях своевременного выявления новейших тенденций, обусловленных ими новых возможностей и рисков (угроз), а также нахождения действенных средств национального влияния на эти процессы.

В Украине, несмотря на высокую зависимость ее экономики от мирохозяйственных процессов и общую ее настроенность на активное участие в процессах международной интеграции, процессы становления и развития системы глобальных институтов регулирования до сих пор находятся не на первом плане. Значительно больше внимания уделяется изучению отношений с отдельными глобальными организациями (МВФ, Всемирным банком, ВТО и др.), но, скорее, в сугубо прагматическом аспекте. При этом не хватает углубленного анализа трендов развития системы глобального регулирования в целом, что, в свою очередь, значительно усложняет формирование стратегического поведения государства в сфере международных экономических отношений.

Таким образом, **цель статьи** – осветить основные тенденции в формировании новых институциональных механизмов регулирования развития мирового хозяйства, существующие в них противоречия и возможные перспективные направления совершенствования.

Тенденции становления новых институциональных форм в рамках мирового хозяйства, проявившиеся с начала XXI в.

Вопросы развития системы глобального управления находятся под влиянием разнообразных (иногда и разнонаправленных) политико-экономических интересов разных групп стран, ведущих транснациональных бизнесовых структур, международных неправительственных организаций, а также ключевых международных организаций, сформировавших уже достаточно мощную международную и даже наднациональную бюрократию.

Сегодня мощные импульсы в направлении реформирования институтов мировой экономики возникают, прежде всего, в среде большой группы развивающихся стран, требующих кардинальных изменений в механизмах глобального развития, их направления на решение ключевых проблем стран, представляющих абсолютное большинство населения Земли. Именно в этом контексте в сентябре 2000 г. на Саммите тысячелетия была принята *Декларация тысячелетия ООН*, на основе которой в 2001 г. государствами – членами ООН и 23 международными организациями задекларированы далеко идущие *Цели развития тысячелетия ООН (Millennium Development Goals)* на период до 2015 года *. В сентябре 2015 г. на Сам-

---

* ООН. Цели развития тысячелетия : доклад за 2015 год [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org/ru/millenniumgoals/mdgreport2015.pdf>.

мите ООН эти глобальные подходы получили продолжение в значительно расширенном формате – в виде *Повестки дня устойчивого развития на период после 2015 года*, которая определила *Цели устойчивого развития на 2016–2030 годы* (*The 2030 Agenda for Sustainable Development*) – в общей сложности 17 целей, охватывающих 169 задач *. Формулировка амбициозных целей глобального развития подкреплялась мерами по образованию действенных механизмов финансирования развития – начиная с достижения соответствующих договоренностей (*Monterrey Consensus*) 2002 г. на Конференции ООН по вопросам финансирования развития в г. Монтеррей (Мексика) и заканчивая *Повесткой дня Аддис-Абеба* (*Addis Ababa Action Agenda*) 2015 г., которая должна стать основой для финансирования Повестки дня устойчивого развития до 2030 года **.

Важным шагом в направлении возможного переформатирования глобальной институциональной структуры должно было стать начало в 2001 г. нового (Дохийского) раунда многосторонних торговых переговоров в рамках ВТО, который быстро получил название “Раунд развития”. Но этот процесс был существенно заторможен острыми спорами между государствами – членами этой организации по поводу многих ключевых механизмов предлагаемой обновленной мировой торговой системы.

В целом продвижение вопросов глобальной повестки дня в рамках системы ООН наталкивается на серьезные препятствия, которые в значительной мере обусловлены тем, что механизмы этой системы носят в большинстве случаев политический и морально-этический характер, а не характер императивного международно-правового механизма, подкрепленного системой юридических санкций за невыполнение обязательств. Именно поэтому реализация принятых целей развития существенно зависит от политической воли ключевых стран мира и от понимания ими своих национальных интересов. Но под влиянием мощных корпоративных интересов, определяющих политику наиболее влиятельных стран мира, процесс внедрения новейшей модели глобального устойчивого развития по многим направлениям вступает в конфликт с процессом неолиберальной глобализации экономики.

Между тем после азиатского финансового кризиса 1997–1998 гг., который распространился за пределы региона Восточной Азии, в мире выросло осознание необходимости существенной коррекции неолиберальных начал, которые лежали в основе глобальной политики развития ведущих стран мира и возглавляемых ими глобальных экономических организаций. Выразительным свидетельством этому стал Доклад Всемирного банка “Государство в меняющемся мире” от 1997 г. ***, который по-новому подошел к роли современного государства в социально-экономическом развитии, фактически отрицая универсальность неолиберальных принципов так называемого “Вашингтонского консенсуса”.

---

* Цілі сталого розвитку 2016–2030 / United Nations Ukraine [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org.ua/ua/tsili-rozvytku-tysiacholittia/tsili-staloho-rozvytku>.

** Addis Ababa Action Agenda of the Third International Conference on Financing for Development (Addis Ababa Action Agenda). The final text of the outcome document adopted at the Third International Conference on Financing for Development (Addis Ababa, Ethiopia, 13–16 July 2015) and endorsed by the General Assembly in its resolution 69/313 of 27 July 2015. – New York : United Nations, 2015. – 61 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2015/08/AAAA_Outcome.pdf.

*** World Bank. World Development Report 1997: The State in a Changing World. – New York : Oxford University Press, 1997. – 265 p.

Извлечение уроков кризисного развития 1997–1998 гг. повлекло за собой образование еще в 1999 г. министрами финансов и управляющими центральными банками стран “Большой семерки” при Банке международных расчетов в Базеле новой организации – *Форума финансовой стабильности* (далее – *ФФС*), с возложением на него функций содействия международной финансовой стабильности через усиленный обмен информацией и международное сотрудничество в надзоре за финансовыми рынками. В этом же году была создана и “*Группа 20*” в составе министров финансов ведущих в экономическом отношении стран мира для координации действий в сфере финансовой политики – то есть структура, которой впоследствии было суждено превратиться в ведущий центр глобального экономического регулирования.

Однако в целом до глобального кризиса 2007–2008 гг. система глобального экономического регулирования оставалась не просто фрагментированной, но и до определенной степени дуалистической. С одной стороны, действовала система ООН, органы и специализированные организации которой находились под преимущественным влиянием развивающихся стран, а с другой – система институтов, представлявшая интересы, прежде всего, наиболее развитых стран мира (в составе “Группы 7” (G7), ОЭСР, ведущих международных финансовых организаций (МВФ, Группы Всемирного банка), а также (до определенной степени) ВТО).

Глобальный кризис 2007–2008 гг. стал тем водоразделом, за которым процессы переосмысления глобальной институциональной архитектуры достигли того “порогового потенциала”, который, похоже, сдвинул с места процессы реформирования глобальных институтов. Именно в контексте этого кризиса сформированная еще в 1999 г. *Группа 20* на Вашингтонском саммите 14–15.11.2008 г. была преобразована в постоянно действующий высший глобальный форум по экономическим вопросам. На него была возложена компетенция формирования основных направлений глобальной антикризисной политики и соответствующих институциональных реформ финансовых рынков, которые бы сделали мировую экономику более справедливой, способной к развитию и менее уязвимой к разным факторам риска. Важной характеристикой этого глобального института является то, что он объединяет в своем составе ЕС, 12 развитых стран и 7 стран с формирующимися рынками (*emerging markets economies*), а следовательно – для выработки совместных решений должен искать компромиссные формулы.

Вашингтонская декларация * определила пять общих принципов проведения реформ, которые, несмотря на динамичность изменений, не утратили актуальности и до настоящего времени: усиление прозрачности и подотчетности; повышение уровня разумного регулирования; содействие целостности финансовых рынков; укрепление международного сотрудничества (в вопросах предотвращения кризисов и осуществления антикризисных мер); реформирование международных финансовых институтов.

Лондонский саммит “Группы 20” 2.04.2009 г. принял “*Глобальный план восстановления и реформ*”, который строился на началах “открытой мировой экономики, основанной на рыночных принципах, эффективном регулировании и сильных глобальных институтах”. Была признана необходимость “*нового глобального консенсуса относительно ключевых ценностей и принципов, содействующих устойчивой эко-*

---

* Declaration of the Summit on Financial Markets and the World Economy. – Washington DC, 2008. – November 15 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.un.org/ga/president/63/commission/declarationG20.pdf>.

номической деятельности”. Фактически речь шла о выработке вместо неолиберального Вашингтонского консенсуса или даже его модернизированной версии (пост-Вашингтонского консенсуса) *новой хартии об устойчивой экономической деятельности*, направленной на обеспечение стабильного, социально сбалансированного и устойчивого развития глобальной экономики. Особо подчеркивалась необходимость *кардинальных структурных изменений на базе перехода к новым технологиям – экологически чистым, инновационным и ресурсоэффективным, с низким выбросом углерода – и соответствующей инфраструктуре*.

Указанные общие цели были подкреплены рядом глобальных институциональных инноваций. Так, на базе ФФС было создано новое учреждение – *Совет финансовой стабильности (Financial Stability Board)*, который имел расширенный состав и полномочия, основными из которых стали руководство совместно с МВФ *системой раннего предупреждения о макроэкономических и финансовых рисках*, а также разработка мер по их предотвращению.

Особое ударение в системе глобальных институциональных реформ сделано на меры по *борьбе с некооперативными юрисдикциями*, то есть теми государствами и территориями, которые не желают сотрудничать в деле борьбы с незаконными финансовыми операциями и уклонением от налогообложения. Для этого был учрежден *Глобальный форум ОЭСР по вопросам прозрачности и обмена информацией (OECD Global Forum on Transparency and Exchange of Information)*. Такой механизм предусматривал *усиление механизмов пруденциального надзора* для ограничения сферы банковской тайны в целях минимизации поля для избежания налогообложения и осуществления операций по отмыванию грязных денег и финансированию терроризма. Направленная на это *Программа оценки финансового сектора (Financial Sector Assessment Program – FSAP)* предполагала тесное взаимодействие ФФС и Группы по разработке финансовых мер борьбы с отмыванием денег – ФАТФ (*Financial Action Task Force on Money Laundering – FATF*).

Одно из ключевых направлений глобальной институциональной трансформации – значительное усиление противодействия коррупции на основе механизмов, определенных *Конвенцией ООН против коррупции (United Nations Convention against Corruption – UNCAC)* от 31.10.2003 г. (действует с 14.12.2005 г.). Этот документ предусматривает развитие эффективного, прозрачного и всеохватывающего механизма надзора за политикой в соответствующей сфере, присоединение всех больших стран к *Конвенции ОЭСР по борьбе с подкупом иностранных официальных лиц при заключении международных деловых соглашений (OECD Convention on Combating Bribery of Foreign Public Officials in International Business Transactions)* и ее надлежащее исполнение. При этом ставится цель прекращения предоставления коррупционерам возможностей использовать места укрытия для себя и для их незаконно приобретенных активов, а также препятствования коррумпированным государственным служащим в получении доступа в финансовых системах к плодам своей незаконной деятельности. Для этого были приняты меры по укреплению международного правового сотрудничества в проведении расследований по вопросам возврата активов (включая использование специальной инициативы относительно возврата украденных активов (*Stolen Asset Recovery initiative – StAR*)).

Планами Группы 20 были предусмотрены *существенное реформирование и модернизация механизмов деятельности международных финансовых институтов (далее – МФИ)*, включая внесение изменений в уставные задачи, уточнение сфер деятельности и систем управления (особенно в аспекте усиления стратегических под-

ходов и изменения порядка назначения руководящих лиц), а также возможности большего влияния развивающихся стран и стран с формирующимися рынками.

Крайне важными принципами глобальной политики развития были признаны *противодействие протекционизму и придание новой энергии глобальной торговле и инвестициям*, но при предотвращении форм стимулирования экспорта, не совместимым с правилами ВТО. Однако в этом контексте необходимы действенные механизмы содействия усилению международной конкурентоспособности менее развитых стран для укрепления и диверсификации их экспортных потенциалов. Этому должны способствовать соответствующие *многосторонние банки развития*, а также расширение сотрудничества между национальными агентствами по кредитованию экспорта (в частности, в вопросах укрепления схем перестрахования экспортных кредитов).

В сфере инвестиций институциональные изменения были направлены на обеспечение долгосрочных прямых инвестиций (особенно в странах с новыми рыночными системами и развивающихся странах) за счет формирования благоприятного, предсказуемого и стабильного инвестиционного климата, и в том числе выработки согласованной совместной многосторонней основы для регулирования инвестиций с участием профильных международных организаций — ОЭСР, ЮНКТАД, Всемирного банка и др.

В то же время, поскольку *социальные аспекты развития составляют критически важный компонент нового глобального устройства на основе концепции устойчивого развития*, то согласованные мировым сообществом в рамках разных глобальных форумов меры социальной политики предусматривали: активное сотрудничество в целях обеспечения роста, ориентированного на занятость и социальную солидарность; содействие активной политике на рынке труда в целях уменьшения безработицы, повышения уровня квалификации и обеспечения соответствия рабочих мест потребностям рынка; обеспечение устойчивости и эффективности систем социальной защиты в роли двигателей доверия и, как результат, экономического роста и занятости. Речь идет, прежде всего, об имплементации *Повестки дня достойного труда МОТ (ILO Decent Work Agenda)*, а также о внедрении добровольных *стандартов ответственного поведения бизнеса (Responsible Business Conduct — RBC)* и *корпоративной социальной ответственности (Corporate Social Responsibility (CSR) standards)* в соответствии с регулятивными положениями МОТ, ОЭСР и Глобального договора ООН* (*UN Global Compact*) по поводу включения стандартов CSR в деловую практику.

Ключевое место среди принципов политики перестройки системы глобальных институтов занимает реализация *принципа экологически безопасного восстановления развития (green recovery)* — через поощрение создания "зеленых" рабочих мест и

---

* Предпринятая в июле 2000 г. стратегическая политическая инициатива ООН для бизнесменов, обязующихся привести свои операции и стратегии в соответствие с 10 универсальными принципами в сфере прав человека, труда, окружающей природной среды и противодействия коррупции. Это поддержка и уважение к защите международно признанных прав человека; принятие мер, которые бы предотвращали соучастие в нарушении прав человека; поддержка свободы объединений и эффективное признание права на коллективный договор; устранение всех форм принудительного и обязательного труда; эффективная отмена детского труда; искоренение дискриминации в сфере занятости и выбора профессии; поддержка упреждающего подхода к вызовам окружающей природной среды; внесение инициатив в целях воспитания большей экологической ответственности; поощрение развития и распространения экологически безопасных технологий; противодействие коррупции во всех ее формах (включая стяжательство и взяточничество).

экономического роста, который бы базировался на низких выбросах CO₂ и высокой энергоэффективности. Это предполагает создание действенных механизмов стимулирования повышения энергоэффективности, инвестирование в публичную транспортную инфраструктуру, предоставление стимулов для транспортных средств с уменьшенным потреблением горючего, исследование альтернативных источников энергии, содействие технологиям на основе возобновляемых источников энергии и сниженных выбросов CO₂, утилизацию и рециркулирование отходов и выбросов (в частности, улавливание карбоновых выбросов). Важную роль в данном случае должны сыграть *устранение торговых барьеров для товаров и услуг, имеющих прямое отношение к решению вопроса об изменении климата*, а также деятельность международных партнерств, организаций и инновационных центров по вопросам внедрения низкоуглеродных технологий, институтов международного финансирования в этой сфере. Последние включают такие относительно недавно созданные механизмы и институты, как *Инструмент финансирования глобальной окружающей природной среды (Global Environment Facility – GEF)*, многосторонние банки развития, фонды адаптации, двусторонние агентства по вопросам помощи, фонды для инвестиций, связанных с климатом (*Фонд стратегических вложений для предотвращения изменения климата – Strategic Climate Fund* и *Фонд развития чистых технологий – Clean Technology Fund*). Новым шагом в этом направлении стало заключение в декабре 2015 г. *Парижского климатического соглашения*, которое вступило в силу 4.11.2016 г.

Серьезные институциональные изменения необходимы также для обеспечения качественно иного уровня развития и устойчивости мировой энергетической системы. Ведь именно стремительные колебания цен на энергоносители, оторванные от реальной динамики издержек производства, использование энергоснабжения в качестве политического инструмента влияния существенно подрывают принципы *энергетической безопасности развития*.

Новые подходы в этой сфере должны опираться на усиление *долгосрочных стратегических подходов* к планированию инвестиций, имея в виду *значительное изменение их структуры* в направлении ускорения перехода к энергоэффективным моделям роста и кардинальному сокращению выбросов CO₂. Но непредсказуемость изменений на энергетических рынках ставит под угрозу способность бизнеса планировать и осуществлять инвестиции в новую инфраструктуру в соответствии с динамикой долгосрочных потребностей в энергии. Поэтому необходимо создать регуляторные механизмы *укрепления стабильности и предсказуемости структур спроса и предложения на энергорынках* (и в том числе через надлежащие координационные функции международных организаций, действующих в этой сфере: прежде всего, Международного энергетического агентства – МЭА (*International Energy Agency – IEA*) и Международного энергетического форума – МЭФ (*International Energy Forum – IEF*)). В частности, эти организации должны играть большую роль в сборе и анализе на глобальном уровне данных о спросе и предложении, запасах, свободных мощностях и инвестиционных планах в сферах нефте- и газодобычи. Важная задача заключается и в противодействии вредным эффектам финансиализации мировых товарных (прежде всего, энергетических) рынков вследствие неадекватного применения на них разного рода финансовых деривативов.

Значительный вклад в трансформацию мировой энергетики в направлении обеспечения ее экологичности делают такие глобальные институциональные формирования, как Международное партнерство для сотрудничества в сфере энерго-

эффективности (*International Partnership for Energy Efficiency Cooperation – IPEEC*), Международное агентство по вопросам возобновляемых источников энергии (*International Renewable Energy Agency – IRENA*), Глобальное биоэнергетическое партнерство (*Global Bioenergy Partnership – GBEP*).

Достижение серьезных структурных преобразований в мировом хозяйстве требует *системных изменений в глобальном управлении*. С начала нового века постепенно сформировалось новое видение критериев эффективности такого управления, ориентирующих на: содействие глобальному партнерству на основе усиления многосторонних подходов к решению проблем; обеспечение роста и рыночного обмена на сбалансированной, равноправной и устойчивой основе ради интересов всех стран (особенно наиболее уязвимых); поддержку развивающихся стран и стран с формирующимися рынками; обеспечение глобальной продовольственной и энергетической безопасности; и т. п.

Глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. добавил к этому императивы внедрения в систему глобального управления *системы раннего предупреждения*, способной идентифицировать и формировать ответы на риски в финансовом секторе, а также осуществлять мониторинг способности стран обслуживать свои долги; усиления международного сотрудничества в налоговых вопросах для минимизации уклонения от налогов и содействия наращиванию фискального потенциала государств; укрепления доверия, режима подотчетности и эффективности деятельности международных финансовых институтов*.

В этом контексте странами – лидерами мировой экономики в 2009 г. был провозглашен** принцип "*ответственного руководства для устойчивого будущего*", дополненный внедрением *механизма полной и всесторонней подотчетности*, который бы обеспечивал мониторинг прогресса в выполнении поставленных задач и повышал эффективность совместных действий стран мира, при усилении стандартов целостности, правомерности и прозрачности в экономической деятельности. В частности, принцип целостности предусматривал заполнение глобальных регуляторных пробелов и содействие достижению широкого международного консенсуса в целях быстрой имплементации регуляторных решений относительно корпоративного управления, целостности рынка, финансового регулирования и надзора, сотрудничества в налоговых делах, прозрачности макроэкономической политики и данных.

В условиях значительного усиления влияния и диверсификации функций международных организаций все более актуальным становится вопрос повышения *согласованности и скоординированности* действий элементов системы многосторонних организаций (и особенно организаций системы ООН, МВФ, ФФС, МОТ, ОЭСР, Всемирного банка, ВТО). Так, например, для повышения эффективности механизмов предотвращения глобальных кризисных потрясений действия ФФС дополняются учреждением в рамках ООН *системы глобального пред-*

---

* G20 London Summit. Global plan for recovery and reform [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.oecd.org/g20/summits/london/G20-Action-Plan-Recovery-Reform.pdf>; <http://www.londonsummit.gov.uk/resources/en/news/15766232/communique-020409>; United Nations Conference on the World Financial and Economic Crisis and its Impact on Development. – June 2009. Background. Published by the United Nations Department of Public Information – DPI/2535A – May 2009.

** G8 Summit 2009. Declaration on Responsible Leadership for a Sustainable Future [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://www.g8italia2009.it/static/G8_Allegato/G8_Declaration_08_07_09_final,0.pdf.

упреждения уязвимых стран (*UN Global Vulnerability Alert*), а на уровне Всемирного банка – Фонда помощи уязвимым странам (*World Bank's Vulnerability Fund*), который охватил механизм финансирования инфраструктуры в состоянии кризиса (*Infrastructure Crisis Facility*) и Фонд быстрой социальной помощи (*Rapid Social Response Fund*). ВТО, совместно с ЮНКТАД, руководят Международным торговым центром, который оказывает содействие в наращивании потенциала в сфере международной торговли. Формируются совместно управляемые базы и банки данных в вопросах статистики международной торговли, описания режимов торговли и инвестиций и т. п., что значительно повышает прозрачность и улучшает понимание международной экономической среды рыночными агентами. Интенсифицируется развитие *сотрудничества и партнерства* между системой развития ООН, региональными банками развития и Всемирным банком (в том числе в мобилизации дополнительных ресурсов на цели социальной защиты, продовольственной безопасности и развития человека).

Важной предпосылкой для формирования целостного механизма глобального регулирования становятся меры, позволяющие повысить вес развивающихся стран и стран с формирующимися рынками в выработке глобальных решений. В частности, еще в 2008 г. начат процесс пересмотра размера квот и количества голосов, которыми наделены отдельные страны-члены в руководящих органах МВФ. А в результате осуществления 15.12.2010 г. 14-го пересмотра квот и количества голосов было предусмотрено более чем 6-процентное смещение количества голосов в пользу динамичных развивающихся стран и стран с формирующимися рынками*. На очереди – завершение нового, 15-го пересмотра квот и количества голосов, который может привести к тому, что *МВФ больше не будет представлять собой учреждение, ориентирующееся, главным образом, на США и другие наиболее развитые страны*. Похожие процессы происходят и в управлении Группы Всемирного банка. *Значительно выросло влияние разных групп и коалиций развивающихся стран в рамках механизмов ВТО*, из-за чего эту организацию сегодня уже вряд ли можно считать инструментом осуществления политики развитых стран Запада.

Весомым вектором трансформации системы глобального управления становится и расширение поля глобальных институтов за счет вовлечения в процессы выработки решений негосударственных акторов. Это в полной мере проявляется в формировании вокруг Группы 20 (G20) – как ведущего межгосударственного механизма согласования глобально значимых решений – ряда вспомогательных форумов: “деловой двадцатки” (*Business 20*, или *B20*), которая регулярно собирается с 2012 г. в составе ведущих бизнес-компаний; “гражданской двадцатки” (*Civil 20*, или *C20*), которая проводила заседания в 2014 и 2015 гг.; “профсоюзной двадцатки” (*Labour 20*); форума ведущих мировых исследовательских центров (*Think 20*); “молодежной двадцатки” (*Youth 20*). Наиболее регулярная и мощная из них B20 является платформой участия международного бизнес-сообщества в выработке правил глобального управления, которая создала ряд целевых проблемных групп в вопросах реформы финансовой системы, торговли, инвестиций, инфраструктурного развития, занятости и антикоррупционных мер, предложив лидерам G20 многочисленные (в целом свыше 400) предложения по принятию решений (в частности, специальную инициативу в отношении мировой электронной платформы для осуществления торговли (*Electronic World Trade Platform – eWTP*)).

---

* IMF Factsheet: IMF Quotas [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.imf.org/About/Factsheets/Sheets/2016/07/14/12/21/IMF-Quotas?pdf=1>.

**Саммит Группы 20 в Ханчжоу: корректировка приоритетов
и развитие системы глобального управления**

Механизмы, складывающиеся вокруг Группы 20, пребывают в постоянном развитии, что, в свою очередь, ведет к расширению сферы влияния этой глобальной регулятивной системы [1]. Новый импульс этому механизму дан решениями Саммита 4–5.09.2016 г. в Ханчжоу (КНР), где был принят политический пакет *Консенсус Ханчжоу (the Hangzhou Consensus)*, базирующийся на следующих четырех опорах *.

1. *Видение будущего*: усиление действия новых движущих сил роста; открытие новых горизонтов для развития; прокладывание пути к трансформации экономик более инновационным и устойчивым образом; лучшее отражение общих интересов нынешнего и грядущих поколений.

2. *Интеграция*: реализация концепций и политик инновационного роста за счет формирования синергетического взаимодействия фискальных, монетарных и структурных инструментов политики, повышения связанности между экономической политикой, политиками в области труда и занятости, социальной политикой, сочетания управления спросом и реформ в сфере предложения, кратко-, средне- и долгосрочных политик, а также экономического роста с социальным развитием и защитой окружающей природной среды.

3. *Открытость*: наращивание усилий в направлении построения открытой мировой экономики, отказ от протекционизма, поощрение мировой торговли и инвестиций (в том числе через укрепление многосторонней торговой системы, а также обеспечение широких возможностей развития и публичной поддержки расширенному росту глобализованной экономики).

4. *Инклюзивность*: обеспечение такого состояния, чтобы экономический рост служил удовлетворению потребностей каждого человека **, был выгоден для всех стран и всех людей (с особым вниманием к женщинам, молодежи, людям с ограниченными возможностями), создавал больше качественных рабочих мест, помогал уменьшать неравенство и искоренять бедность — с тем, чтобы ни один человек не оставался на обочине.

Принятый План действий Ханчжоу (*Hangzhou Action Plan*) строится на новом подходе к обеспечению роста, который акцентирует внимание на вопросах ликвидации препятствий для совершенствования предложения, устойчивого роста производительности, расширения рамок производства, высвобождения факторов средне- и долгосрочного потенциалов роста. Принятый в этом контексте План инновационного роста (*G20 Blueprint on Innovative Growth*) охватывает ряд приоритетов структурных реформ, возникающих в связи с новой индустриальной революцией (*G20 New Industrial Revolution Action Plan*) и развитием цифровой экономики (*G20 Digital Economy Development and Cooperation Initiative*, начало которой было положено еще во время Саммита в турецкой Анталье в 2015 г.). Тесно связана с этим Усиленная повестка дня структурных реформ (*Enhanced Structural Reform Agenda*), которая определила 9 приоритетных сфер проведения структурных преобразований ***: содействие открытости торговли и инвестиций; реформа рынков труда, повышение уровней образования и квалификации; поощрение инно-

---

* G20 Leaders' Communique Hangzhou Summit [Электронный ресурс]. — Режим доступа : http://www.g20.org/English/Documents/Current/201609/t20160906_3395.html.

** Этому, в частности, послужит принятие странами Группы 20 Принципов устойчивой политики заработной платы (*Sustainable Wage Policy Principles*).

*** G20 Enhanced Structural Reform Agenda. September 2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.g20.org/English/Documents/Current/201609/P020160914597932326306.pdf>.

вадий; улучшение инфраструктуры; фискальные реформы; поощрение конкуренции и создание среды, которая бы содействовала росту конкурентоспособности; улучшение и укрепление финансовых систем; повышение устойчивости окружающей природной среды; содействие инклюзивному росту.

Важным направлением преобразований является формирование стабильной и гибкой международной финансовой архитектуры (*G20 Agenda Towards a More Stable and Resilient International Financial Architecture*), которое предполагает комплекс действий, в частности, в таких направлениях:

- продолжение процесса пересмотра Кодекса либерализации движения капитала ОЭСР (*OECD Code of Liberalization of Capital Movements*);
- формирование глобальной сети обеспечения финансовой безопасности (*Global Financial Safety Net – GFSN*), в центре которой будет находиться МВФ, который должен теснее сотрудничать с региональными финансовыми механизмами;
- реформирование финансового сектора (включая внедрение системы *Базель III* (соответствующие рамки должны были быть окончательно согласованы до конца 2016 г.) и стандарта общей способности поглощать потери (*total-loss-absorbing-capacity – TLAC*));
- разработка стандарта для капитала в сфере страхования (*Insurance Capital Standard – ICS*) для тех компаний, которые ведут активную международную страховую деятельность;
- выработка согласованной повестки дня проведения реформы в сфере рынка производных ценных бумаг (*OTC derivatives*);
- выработка принципов развития инфраструктуры финансовых рынков (*Principles for Financial Market Infrastructures*);
- обобщение совместными усилиями МВФ, ФФС и Банка международных расчетов (БМР) мирового опыта макропруденциального регулирования в целях распространения эффективной практики в этой сфере;
- сотрудничество в вопросах борьбы с уклонением от налогообложения доходов путем уменьшения налоговой базы и перевода прибылей в места с более низким уровнем налогов через введение соответствующих международных рамок для этих процессов (*G20/OECD Inclusive Framework on base erosion and profits shifting*); расширение обмена информацией в налоговых вопросах (внедрение международных стандартов налоговой прозрачности и стандарта автоматического обмена информацией в этих вопросах); содействие наращиванию способности взимания налогов в развивающихся странах (через механизмы Многосторонней конвенции административной взаимопомощи в налоговых вопросах, создание новой платформы для сотрудничества в вопросах налогообложения при участии МВФ, ОЭСР, ООН и Группы Всемирного банка), а также выработка налоговой политики содействия росту и обеспечение большей определенности в вопросах налогообложения.

Особого внимания в этом контексте заслуживает *Налоговая инициатива Аддис* (*The Addis Tax Initiative*), к которой уже присоединились Германия, Великобритания, США, Эфиопия, Европейская Комиссия, ОЭСР, а также 30 других стран и международных организаций. Она направлена на имплементацию Повестки дня Аддис-Абеба в аспекте содействия росту внутренних налоговых доходов, усиления действия принципов справедливости, прозрачности, эффективности и надежности налоговых систем.

Реализации таких целей должно способствовать и усиление глобальных антикоррупционных мер. Группой 20 приняты *Принципы высокого уровня* для сотрудниче-

ства относительно лиц, разыскиваемых по подозрению в коррупции, и возврата активов, полученных коррупционным путем (*High Level Principles on Cooperation on Persons Sought for Corruption and Asset Recovery*). На 2017–2018 гг. принят *Антикоррупционный план действий (2017–2018 G20 Anti-Corruption Action Plan)*, направленный на повышение прозрачности публичного и частного секторов, а также на реализацию принципа “нулевой терпимости к коррупции, нулевых коррупционных щелей в деятельности институтов и нулевых барьеров для антикоррупционных действий”.

Не меньшее значение имеет и дальнейшее развитие механизмов предотвращения финансирования террористической деятельности, которому будет способствовать принятие FATF новой Консолидированной стратегии противодействия финансированию терроризма (*Consolidated Strategy on Combating Terrorist Financing*).

Очень важную роль играют задачи мобилизации достаточных финансовых ресурсов для обеспечения устойчивого развития, особенно что касается мобилизации частного капитала на указанные цели (включая введение “зеленых” рынков облигаций (*green bond markets*), внедрение механизмов трансграничных инвестиций в “зеленые” облигации, распространение информации о существующих рисках и о результатах деятельности в этой сфере). Такие частные механизмы должны существенно дополнять вновь созданные глобальные механизмы финансирования экологических мер (в том числе по противодействию изменению климата): например, 194 странами мира создан Зеленый климатический фонд (*Green Climate Fund*).

В целях содействия развитию международной торговли и глобальных инвестиционных процессов усилены стратегические подходы в этой сфере – через принятие Стратегии обеспечения роста торговли (*G20 Strategy for Global Trade Growth*) и Руководящих принципов формирования политики относительно глобальных инвестиций (*G20 Guiding Principles for Global Investment Policymaking*). В частности, в этом контексте совместно с ОЭСР сформирован новый глобальный форум по вопросам избыточных мощностей в производстве металла.

Следует особо подчеркнуть, что Группа 20 на Саммите в Ханчжоу активно включилась в выполнение недавно принятой Глобальной стратегии устойчивого развития до 2030 года путем утверждения соответствующего плана действий “двадцатки” (*G20 Action Plan on the 2030 Agenda for Sustainable Development*). В силу этого большое значение будут иметь анонсированный механизм облегчения внедрения технологий (*Technology Facilitation Mechanism*), создание глобальной платформы для инклюзивного бизнеса (*G20 Global Platform on Inclusive Business*) и провозглашенная 11 многосторонними банками развития Совместная декларация о намерениях относительно действий в поддержку инвестирования в инфраструктуру (*Joint Declaration of Aspirations on Actions to Support Infrastructure Investment*), которая направлена на формирование высококачественной инфраструктуры. Это дополняется созданием в 2016 г. Глобального альянса для обеспечения инфраструктурных связей (*Global Infrastructure Connectivity Alliance*), который должен действовать при центральной роли Группы Всемирного банка.

**Неоднозначный и внутренне противоречивый характер
глобальных институциональных изменений
и возможность временных реверсивных тенденций**

Несмотря на очевидный прогресс в становлении новых глобальных институтов и разительные изменения в механизмах функционирования отдельных ранее созданных институциональных образований, процесс трансформации системы глобального управления является:

-
- *внутренне противоречивым*, который *неравномерно* происходит в разных сегментах глобального регулирования;
  - *нелинейным* по своему характеру;
  - *таким, который создает* – по меньшей мере, на нынешнем этапе развития – *неоднозначные* социальные результаты.

Отчасти это следствие, с одной стороны, значительной сложности глобальной системы и гетерогенности участников мировой экономики по достигнутому уровню развития, а с другой – острой борьбы между теми субъектами процесса глобализации, кто выступает за умеренные и эволюционные (иногда поверхностные) изменения и коррекции существующей системы, которые бы не затрагивали глубинных основ неолиберальной глобальной экономики, и теми, кто поддерживает парадигму коренных преобразований и создания качественно новой системы глобального регулирования. Есть у этого процесса и “третья сторона” – те, кто вообще выступает с антиглобалистских позиций, за возвращение национальным государствам исключительных прав на определение политики развития и даже к приоритету локальных форм организации *. Политический баланс между силами этого треугольника постоянно изменяется в прямой зависимости от социально-экономической динамики, и это принципиально определяет возможность не только существенного торможения темпов развития процессов глобализации, но и возникновения некоторых реверсивных тенденций.

Сегодня появляется все больше признаков того, что мир вступил именно в такой этап *относительного спада* (а по некоторым направлениям – и отката) *глобализации*, который позволяет части комментаторов говорить о наступлении своеобразной *новой консервативной революции*. Начало процесса выхода Великобритании из ЕС, фактическая остановка переговоров между США и ЕС о трансатлантической зоне свободной торговли, победа на президентских выборах в США республиканца Д. Трампа с откровенно протекционистской программой действий, реальная перспектива прихода к власти в ключевых странах Европы политических сил с акцентом на защиту национальных интересов и на блокирование международных миграционных потоков, политика России, направленная на отказ от соблюдения ряда норм международного права, – важные признаки *наступления кризиса устаревшего неолиберального формата глобализации и начала нового периода в эволюции международных институтов*.

Такие изменения не случайны, поскольку отражают не только значительное распространение разочарования *практическими результатами* развития процессов неолиберальной глобализации, невысоким темпом реформирования глобальных институтов, неспособностью давать адекватные ответы на новые глобальные вызовы (например, на угрозы распространения терроризма и миграционный кризис), но и до определенной степени нарастание симптомов *усталости от постоянных перемен эпохи глобализации*, которые порождают своеобразный *кризис адаптации*. Ключевую роль здесь играют такие тенденции и факторы.

Во-первых, процессы трансформации глобальных институтов в период после завершения острой фазы глобального кризиса 2008–2009 гг. стали утрачивать первоначальный достаточно мощный импульс, полученный ими в период острой фазы

---

* Содержание указанных основных подходов к развитию глобализации проанализировано автором в монографии [2]. Автор является сторонником принципов существенной трансформации системы глобального регулирования и отхода от модели неолиберальной глобализации.

глобального кризиса. Такая “*утрата энергии*” в подходах к осуществлению реформ не могла не иметь последствий: и до настоящего времени не достигнут решающий прогресс в сокращении *реального* использования оффшорных юрисдикций для “оптимизации налогов”; продолжают значительные колебания цен на мировых рынках, что усиливает неопределенность и служит важным источником общей макроэкономической нестабильности; как и прежде, широко применяются протекционистские меры и произвольные манипуляции уровнем валютного курса ради получения искусственных конкурентных преимуществ; никоим образом не уменьшаются проявления гипертрофии мировых валютных рынков, которые выступают важным компонентом того, что известная исследовательница С. Стрэндж назвала “казино-капитализм” [3]; большинство стран мира недостаточно инвестирует в новейшие технологические процессы, и, как следствие, наблюдаем замедленную динамику мирового хозяйства и неспособность многих стран мира до сих пор вырваться из заколдованного круга глубинных структурных проблем.

Во-вторых, не достаточен прогресс в создании новых возможностей для развивающихся стран и стран с формирующимися рынками: они ощущают *острую нехватку ресурсов и компетенции для овладения новейшими сферами экономического развития*. Лишь отдельные из них (главным образом, новые индустриальные страны Восточной Азии) сумели вырваться, по выражению Ли Куанг Ю, “из третьего мира в первый” *. Но в большинстве случаев вместо процессов сближения уровней развития в процессе неолиберальной глобализации создавались условия для еще большей дивергенции стран мира по уровню технологического развития. Сегодня, в условиях распространения четвертой промышленной революции в наиболее развитых странах мира, многие менее развитые страны сталкиваются с *реальной перспективой сужения (а то и утраты) своих традиционных рынков*. И при таких обстоятельствах именно в развивающихся странах могут вызревать предпосылки для новой фазы глобального финансово-экономического кризиса (об этом предупреждает Доклад о торговле и развитии ЮНКТАД 2016 года **). Осознание реальности таких угроз может порождать неоднозначные эффекты: с одной стороны, рост экономического национализма в целях предотвращения вредных глобальных влияний, а с другой – усиление стимулов к миграции населения менее развитых стран “третьего мира” в более успешные страны “первого мира”. Это прямой путь к нерегулируемым массовым миграционным потокам, которые все больше становятся огромным вызовом для процесса глобализации в целом.

В-третьих, как известно, процесс усиления роли глобальных институтов имел своими последствиями далеко идущую гомогенизацию критериев адекватности экономической политики стран мира и распространение глобальных стандартов управления на все больший круг вопросов социально-экономического развития. Далеко не всегда при этом учитываются специфические факторы национальных культурно-исторических традиций и укоренившиеся в обществе структуры ценностей. Как доказывает практика, процессы транспозиции институциональных форматов, выработанных наиболее развитыми странами, на почву обществ с выраженными институциональными и культурными отличиями нередко ведут к *преоб-*

---

* Имеется в виду давняя традиция относить развитые страны с рыночной экономикой к “первому миру”, страны с плановой экономикой – ко “второму”, а развивающиеся страны – к “третьему”.

** UNCTAD. Trade and Development Report 2016: Structural Transformation for Inclusive and Sustained Growth. – New York and Geneva : United Nations, 2016. – xv. – 208 p. – P. III.

ладанию разрушительных процессов над процессами созидания, порождая вместо предпосылок для эффективного развития эффект институционального вакуума, что подрывает перспективы эффективного социально-экономического развития. Попытки институциональной гомогенизации (особенно в форме радикальной вестернизации), как это ни парадоксально, становятся каналом распространения не общественной модернизации, а наоборот – демодернизации, упрощения, примитивизации социальных структур, а иногда и снижения общего уровня человеческого развития. Не случайно наиболее вдумчивые исследователи глобальных процессов выступают против навязывания единых рецептов развития и стандартизированных институциональных форматов (см., в частности [4; 5]). Кстати, еще в рекомендациях ООН 2009 г. по вопросам глобальной антикризисной политики*, которые были сформулированы по результатам деятельности авторитетной международной комиссии под руководством Дж. Стиглица, подчеркивалось, что для развивающихся стран в этих рамках должен предоставляться более гибкий режим для решения конкретных национальных проблем (включая гуманитарные и социальные последствия кризиса, достижение целей развития, сформулированных в Декларации тысячелетия, регулирование местных финансовых рынков, учреждений, инструментов и потоков капитала, применение мер торговой защиты). Каждое правительство должно самостоятельно выработать компромисс между выгодами международных правил и обязательств и ограничениями, с которыми связан отказ от свободы маневра в политике.

В-четвертых, среди самих стран – лидеров мировой экономики далеко не все относятся к когорте бенефициаров процесса неолиберальной глобализации. В условиях потенцированных глобализацией структурных сдвигов и распространения таких явлений транснационализации производства, как аутсорсинг и оффшоринг, происходят ускоренное разрушение ряда традиционных отраслей, а также упадок традиционных профессий и целых регионов, где они были распространены, что, в свою очередь, расширяет социальный базис для экономического национализма и протекционистских ожиданий. Возникает конфликт между рыночной эффективностью и социальной адаптацией, между изменениями и устойчивостью жизненных модусов. К тому же общество устает от чрезмерных информационных потоков, присущих глобальной информационно-коммуникационной революции, психологически не выдерживает чрезмерно высокого темпа изменений в разных аспектах жизнедеятельности. И все это ревитализирует в ареале стран “первого мира” консервативные тенденции, стимулирует попытку “сделать перерыв”, во время которого слои населения, сталкивающиеся с проблемами социально-психологической адаптации, смогут попытаться приспособиться к новым обстоятельствам и вызовам.

В-пятых, противоречивый прогресс процессов глобализации связан с обострением геополитического противостояния разных стран и даже разных культур, что в немалой степени обусловлено разрушением устоявшихся социальных модусов под влиянием жизненных и политических стандартов культуры Запада. Отсюда получают поддержку попытки силовыми методами противодействовать тем процессам

---

* Anatomy of the Crisis : From the Report of the Secretary-General on the Economic and Financial Crisis and its Impact on Development / United Nations Conference on the World Financial and Economic Crisis and its Impact on Development, June 2009. Published by the United Nations Department of Public Information – DPI/2535B – May 2009; Генеральная Ассамблея ООН. Итоговый документ Конференции по вопросу о мировом финансово-экономическом кризисе и его последствиях для развития. Документ A/RES/63/303, 13 July 2009.

глобализации, которые оказываются не совместимыми с национальными и метанациональными культурными ценностями, а также представлениями о перспективах развития. Такое противостояние не только создает фундамент для возрождения гонки вооружений, но и ведет к распространению международного терроризма, торговых войн, эскалации экономических санкций, разных форм “гибридного влияния” на страны – проводники западного влияния (в том числе через трансграничные миграционные потоки). Как следствие, возникает и растет ключевой негативный эффект нелиберальной глобализации – *эффект снижения уровня безопасности*, нейтрализующий позитивные экономические эффекты глобализации в виде снижения расходов и расширения потребительского выбора. Необходимость огромных дополнительных расходов на поддержание собственной безопасности может реально ставить под сомнение перспективы продолжения активной политики экономической либерализации и стирания границ для разного рода контактов.

Вместе взятые, обозначенные тенденции обуславливают определенное *торможение процессов глобализации*, ведь она требует смены приоритетов и формата своего прохождения (что будет происходить не мгновенно, а на протяжении *определенного исторического периода*). Однако такая относительная заторможенность вряд ли обусловит *полную остановку* глубинного процесса становления институтов новой глобальной экономики будущего; энергия глобализационного процесса, вызванного кардинальными технологическими сдвигами, является настолько мощной, что любые общественно-политические факторы торможения, обусловленные наличием дисбалансов и диспропорций, порожденных погрешностями прошлых периодов, вряд ли будут слишком продолжительными: пауза, скорее всего, будет временной и в большей степени касаться изменения темпа процесса глобализации и интенсификации селективного пересмотра созданных в прошлом механизмов для достижения коррекции хода глобализационного процесса в будущем. И если неизбежные при этом “шаги назад” будут способствовать исправлению ошибок прошлых периодов и уменьшению обусловленных ими глобальных асимметрий и диспропорций, то такое торможение можно будет рассматривать как в целом позитивный феномен.

Особенности влияния глобальных экономических процессов на национальное экономическое развитие в условиях растущих неопределенностей

Процесс перехода от нелиберальной (денежно-финансовой в своей основе) к качественно иной (альтернативной) модели глобализации, построенной на базе примата общечеловеческих (в значительной мере нематериальных по характеру) ценностей, предоставление возможностей для развития всех в условиях коэволюции человеческого общества и природы не могут не порождать существенных неопределенностей, связанных именно с *переходным* состоянием глобальной системы. Ведь при этом старые принципы организации слабеют и исчезают, а новые рождаются не сразу и требуют времени для нахождения оптимальных форм и модусов функционирования. Этот период повышенной неопределенности будет осложняться рядом глобальных дисбалансов и асимметрий, разнонаправленных национальных, региональных и даже просто групповых интересов, которые будут порождать неединичные конфликты разного масштаба.

В процессе перехода к новой глобальной системе, скорее всего, будет происходить *относительное усиление роли национальных и локальных форм организации* социально-экономической жизни, в рамках которых будет вестись поиск новых форм и технологий, а также путей решения сложных проблем структурного характера, по-

---

рожденных гипертрофией глобального финансового капитала и искусственной институциональной гомогенизацией (вестернизацией). Одновременно будет возрастать *опосредующая* роль разного рода международных организаций как *проводников добровольного обмена информацией* и как *платформ для добровольного взаимодействия* между национальными государствами, их региональными международными объединениями, внутренними регионами и местными органами.

При этом особенности влияния глобальных процессов на национальное развитие могут характеризоваться такими свойствами.

Во-первых, есть основания для роста концентрации усилий международных организаций на *кооперативном решении ключевых глобальных проблем человечества* – противодействии изменению климата и техногенному разрушению окружающей природной среды; борьбе с глобально распространенными заболеваниями, эпидемиями и другими проблемами сохранения здоровья; ликвидации голода и неполноценного питания; искоренении терроризма, наркотрафика и торговли людьми; сдерживании гонки вооружений и усилении гарантий международной безопасности; ликвидации крайней бедности и различных форм социальной маргинализации; и т. п.

Во-вторых, будет расширяться и набирать все большую интенсивность осуществление совместными усилиями *ключевых фундаментальных научных исследований*, при широком обмене их результатами. В то же время для любой страны важным приоритетом будет становиться создание собственных национальных инновационных систем, которые бы функционировали на основе нахождения аутентичных национальных форм на базе творческой адаптации передового зарубежного опыта. При этом процессы выработки глобальных правил должны быть сфокусированы на поощрении не только процессов конкуренции, но и широкой международной кооперации в процессе исследований и технологических разработок (особенно в тех сферах, которые играют ключевую роль для человечества и распространяют ключевые макротехнологии будущего).

В-третьих, очевидно, что должен прогрессировать процесс *технической стандартизации* как инструмент, способствующий ускорению технологических инноваций и передачи передового опыта производства и маркетинга; снижению расходов на выход на заграничные рынки; развитию международной кооперации и поддержанию международных цепочек создания добавленной стоимости. В значительной степени этот процесс будет зависеть от облегчения условий для передачи технологий менее развитым странам и регионам.

В-четвертых, приоритетности будет набирать *скоординированное и кооперированное развитие международных инфраструктурных сетей*, которые облегчают национальное развитие, существенно уменьшают расходы и поднимают уровень способности к инновациям. Важной задачей станет введение разных механизмов поддержания интероперабельности между локальными инфраструктурными сетями, что будет прокладывать путь к формированию в перспективе многоуровневой глобальной инфраструктурной сети, которая будет действовать на основе самых современных информационных технологий.

В-пятых, в условиях принципиальной неопределенности большую роль будет играть существование тщательно отработанной международной системы предотвращения глобального распространения тех или иных кризисных явлений, которые возникают локально или регионально. Существенное место здесь должна занимать отработка *глобально согласованной системы индикаторов экономической безопасности*

ти, которая бы была адаптирована для разных групп стран в зависимости от уровня их развития.

В-шестых, важной функцией системы глобального регулирования в условиях повышенной неопределенности должно стать гарантирование разным участникам мирового хозяйства равных возможностей в доступе к ресурсам развития, ведь институционально более слабые страны нуждаются в особом внимании. И хотя процесс обеспечения финансовой инклюзивности уже повлек за собой формальное образование соответствующих глобальных партнерств *, все же здесь еще остается много нерешенных проблем финансового неравенства.

Ослабление негативных влияний повышенной глобальной неопределенности предъявляет повышенные требования к способности любой страны формировать собственное стратегически ориентированное поведение, которое бы основывалось на максимальном использовании ресурсов эндогенного развития. Риски, связанные с неопределенностью, могут быть минимизированы на пути усиления *многообразия* в подходах и *вариативности* действующих механизмов, которые поддерживают развитие и его устойчивость в условиях динамичных изменений в глобальной среде.

Выводы

Глобальный кризис 2008–2009 гг. и период глобальной нестабильности, наступивший за ним, повлекли за собой интенсивный процесс изменений в архитектонике глобального экономического регулирования, ведущий не только к усилению тех элементов регулирования, которые повышают прозрачность и уменьшают волатильность экономических процессов, но и к укреплению потенциала скоординированных действий по решению проблем, общих для разных стран. Ключевой характеристикой этого процесса все больше становится создание предпосылок для перехода мировой экономики на рельсы модели устойчивого развития в органичном единстве ее экономического, экологического и социального компонентов. Надлежащий учет этих тенденций является критически важным фактором стратегически ориентированного развития любого государства мира (и в том числе Украины).

Этот процесс по сути системной трансформации мировой экономики происходит очень противоречиво, со многими осложнениями и реверсивными тенденциями, ослабляющими эффективность глобального регулирования и действенность политики ведущих международных организаций. На таком фоне возникают и усиливаются явления экономического национализма, которые могут привести к временному спаду (откату) процесса глобализации экономики. Спад интенсивности глобализационного процесса следует рассматривать не как деглобализацию, а как предпосылку для его структурной коррекции, в ходе которой будут происходить изменения в функциях и полномочиях органов глобальной регулятивной системы, с концентрацией на тех задачах, которые требуют именно глобально скоординированных действий.

Важной предпосылкой для успешности рассматриваемого процесса перестройки системы глобального экономического регулирования, наиболее влиятельным

---

* Global Partnership for Financial Inclusion. 2016 Progress Report to G20 Leaders [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.g20.org/English/Documents/Current/201609/P020160914402424711507.pdf>; Global Partnership for Financial Inclusion. Global Standard-Setting Bodies and Financial Inclusion: The Evolving Landscape, March 2016 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.g20.org/English/Documents/Current/201609/P020160914401662585051.pdf>.

политическим центром которой все больше становится Группа 20, является последовательная реализация принципа инклюзивности, согласно которому глобальное регулирование должно осуществляться в интересах не только наиболее развитых, но и всех без исключения стран мира и создавать предпосылки для ускорения развития всех национальных экономик без исключения.

Для Украины возникают задачи стратегической значимости: с одной стороны, адекватно учитывать в своей политике развития изменения в глобальной архитектонике, а с другой – находить эффективные рычаги собственного влияния на те процессы, которые происходят в глобальной среде. Это требует комплексного переосмысления стратегических основ внешнеэкономической политики государства в свете новейших тенденций мирового развития, что, в свою очередь, должно сформировать важный аспект дальнейших научных исследований. Автор также рассчитывает на то, что статья станет приглашением к дальнейшим профессиональным дискуссиям по этому поводу в Украине.

Список использованной литературы

1. Kirton John J. G20 Governance for a Globalized World. – London and New York : Routledge, 2016. – xv. – 495 p.
2. Сиденко В.Р. Глобализация и экономическое развитие. – К. : Феникс, 2008. – 376 с.
3. Strange S. Casino Capitalism : Second republication / With a new introduction by M. Watson. – Manchester : Manchester University Press, 2016. – xxiii. – 174 p. (first paperback edition published 1997).
4. Rodrik D. One Economics, Many Recipes: Globalization, Institutions, and Economic Growth. – Princeton and Oxford : Princeton University Press, 2007. – 263 p.
5. Колодко Гжегож В. Мир в движении ; [пер. с польского Ю. Чайникова]. – М. : Магистр, 2009. – 575 с.

References

1. Kirton John J. G20 Governance for a Globalized World. London and New York, Routledge, 2016.
2. Sidenko V.R. *Globalizatsiya i Ekonomicheskoe Razvitiye* [Globalization and Economic Development]. Kiev, Feniks, 2008 [in Russian].
3. Strange S. Casino Capitalism. Second republication, with a new introduction by M. Watson. Manchester, Manchester University Press, 2016.
4. Rodrik D. One Economics, Many Recipes: Globalization, Institutions, and Economic Growth. Princeton and Oxford, Princeton University Press, 2007.
5. Kolodko Grz.W. *Mir v Dvizhenii* [Truth, Errors, and Lies: Politics and Economics in a Volatile World]. Moscow, Magistr, 2009 [in Russian].

Статья поступила в редакцию 22 декабря 2016 г.
